

# НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ВАРИАНТОВ СЮЖЕТА «ТАХИРА И ЗУХРЫ»

**Дилрабо ИГАМУРАТОВА**

старший научный сотрудник  
доктор философии по (PhD) филологическим наукам  
Институт узбекского языка,  
литературы и фольклора АН РУз  
Ташкент, Узбекистан

## Аннотация

В статье исследуется национальная специфика вариантов сюжета произведения «Тахир и Зухра» в фольклорных традициях тюркских народов с опорой на научные положения Маматкула Жураева, изложенные в монографии «Эпический сюжет: истоки и эволюция» в разделе «Истоки и поэтическая эволюция эпических сюжетов. Генезис и художественная эволюция дастана крымско-татарских и туркменских вариантов, особенностям реализации отдельных сюжетных мотивов, функциям персонажей и различиям в финале произведения. Проведенный анализ показывает, что при сохранении общей сюжетной основы национальная специфика вариантов проявляется в различной реализации традиционных мотивов, изменении функций отдельных персонажей и особенностях финала произведения.

**Ключевые слова:** Маматкул Жураев, «Зухра и Тахир», фольклор, дастан, сюжет, мотив, вариант, вариативность.

## «TOHIR VA ZUHRA» SYUJETI VARIANTLARINING MILLIY O‘ZIGA XOSLIGI

**Dilrabo IGAMURATOVA**

Katta ilmiy xodim  
Filologiya fanlari bo‘yicha (PhD) falsafa doktori  
O‘zR FA O‘zbek tili, adabiyoti va folklori instituti  
Toshkent, O‘zbekiston

## Аннотация

Maqolada Mamatqul Jo‘rayevning «Epik syujet: genezisi va evolyutsiyasi» monografiyasidagi «Epik syujetlarning kelib chiqishi va poetik evolyutsiyasi. “Zuhra va Tohir” dostonining genezisi va badiiy evolyutsiyasi» bo‘limida bayon etilgan ilmiy qarashlarga tayangan holda, «Tohir va Zuhra» syujeti variantlarining turkiy xalqlar folklor an‘analaridagi milliy o‘ziga xosligi tadqiq etiladi. Asosiy e’tibor o‘zbek, qrim-tatar va turkman variantlarini qiyoslashga, ayrim syujet motivlarining o‘ziga xos badiiy talqiniga, personajlarning funksiyalariga hamda asar finalidagi farqlarga qaratiladi. O‘tkazilgan tahlil shuni ko‘rsatadiki, umumiy syujet asosi saqlangan holda, variantlarning milliy o‘ziga xosligi an‘anaviy motivlarning

turlicha talqin etilishida, ayrim personajlar funksiyalarining o'zgarishida hamda asar finalining o'ziga xos xususiyatlarida namoyon bo'ladi.

**Tayanch so'zlar:** Mamatqul Jo'rayev, «Tohir va Zuhra», doston, syujet, motiv, variant, variantlilik.

Традиционные эпические сюжеты, получая распространение в различных фольклорных традициях, сохраняют общую сюжетную основу и вместе с тем приобретают особенности, обусловленные средой их бытования и исполнения, поэтому обращение к национальным и локальным вариантам одного произведения позволяет проследить, какие элементы сюжета сохраняются и какие подвергаются изменениям в процессе его дальнейшего развития. К числу таких широко распространенных произведений относится поэма «Тахир и Зухра», представленная в фольклоре и литературе многих тюркских народов. Наличие многочисленных вариантов «Тахира и Зухры» создает основу для их сравнительного изучения и выявления особенностей художественной реализации общего сюжета в разных национальных традициях.

Особое значение для такого сопоставления имеют исследования Маматкула Жураева. В монографии «Эпический сюжет: истоки и эволюция» в части «Истоки и поэтическая эволюция эпических сюжетов. Генезис и художественная эволюция дастана «Зухра и Тахир» ученый исследует происхождение и художественное развитие сюжета, а также проводит сравнительный анализ ряда его узбекских, туркменских и крымско-татарских вариантов. Приведенный исследователем материал показывает, что различия между национальными вариантами проявляются не только в составе отдельных эпизодов и персонажей, но и особенностях реализации и функциях традиционных сюжетных мотивов.

В узбекском фольклоре, как отмечает Маматкул Жураев, на основе этого сюжета существует более сорока сказок, а также несколько вариантов дастана, связанных с исполнительской традицией Ислама шаира Назар-оглы, Рахматуллы Юсуф-оглы, Хоним халфа, Захира Кочкар-оглы и других

сказителей [1; 114–117]. Варианты поэмы «Тахир и Зухра» известны в узбекской, туркменской, татарской, уйгурской, крымско-татарской, турецкой, казахской, азербайджанской и других традициях.

Исследуя происхождение сюжета произведения, М. Жураев обращает внимание на его многослойность и наличие мотивов, связанных с древними мифологическими представлениями. В этой связи ученый рассматривает точку зрения М. Тахмасиба, связывавшего древние основы сюжета с астральной мифологией. В туркменской версии Мулланафаса выбор имени героини последовательно соотносится с небесными образами – луной, месяцем, солнцем и, наконец, звездой Зухра. Ученый рассматривает этот эпизод как одно из проявлений астральных представлений в структуре дастана [1;117–

К архаическому пласту Маматкул Жураев относит и мотив чудесного рождения. В одном из рассматриваемых им эпизодов бездетные Бабахан и его визирь Бохир проводят ночь у древней могилы и во сне получают весть о даровании им ребенка. М. Жураев соотносит этот мотив с древними представлениями о покровительстве предков и духов [1;118–119]. В других вариантах чудесное рождение получает иное сюжетное оформление. В узбекском варианте Захира Кочкар-оглы и крымско-татарских вариантах рождение героев связано с волшебным яблоком. Таким образом, мотив чудесного рождения сохраняется в разных сюжетах, однако способы его художественной реализации различаются.

Узбекские и крымско-татарские варианты «Тахира и Зухры» различаются составом персонажей, отдельными эпизодами и характером финала, сохраняя при этом основную сюжетную линию – любовь Тахира и Зухры и препятствия, возникающие на пути к их соединению. Одним из показательных различий является функция старухи. В узбекском варианте Рахматуллы Юсуф-оглы с ее образом связан эпизод, в котором Тахир узнает о предназначенной ему невесте. В крымско-татарской традиции «къурткъа» выступает прежде всего как персонаж, препятствующий соединению Таира и

Зоры. Особенно развита эта функция в варианте Фатимы Ибрагимовой: старуха пытается изменить характер отношений между героями, способствует изгнанию Таира и участвует в создании ложного известия о его смерти [1, с. 135–137]. Таким образом, сходный персонаж включается в развитие сюжета по-разному, а его функция зависит от конкретного варианта.

Различия обнаруживаются и в составе действующих лиц. В узбекских вариантах фигурируют Карахан, Сарихан, мулла Хаккул, Рустамхан, Гулхадича и другие персонажи, часть которых отсутствует в распространенных крымско-татарских версиях. В крымско-татарском варианте, напротив, появляется Таз оглан, выполняющий функцию посредника между разлученными героями. Эти различия показывают, что при сохранении основной сюжетной линии система персонажей может изменяться и дополняться в соответствии с конкретной версией произведения.

Значительное место в структуре сюжета занимает мотив отправления Тахира по воде. Маматкул Жураев связывает его с древними мифологическими представлениями о воде как пути в «иной мир». Помещение Тахира в сундук и его движение по реке исследователь рассматривает в связи с представлениями о перемещении героя в иное пространство [1; 119–120]. В узбекском варианте Рахматуллы Юсуф-оглы эпизод сопровождается повторяющимися поэтическими формулами: «Сув келар тарам-тарам», «Сув келар гумбур-гумбур», «Сув келар пага-пага», «Сув келади бир талай» [1; 119–120]. Благодаря этим повторам движение воды получает самостоятельное поэтическое выражение и становится частью организации стихотворного повествования.

Своеобразное развитие этот мотив получает в версии Мулланафаса, где находящийся в сундуке Тахир встречается с подводными людьми. М. Жураев отмечает отсутствие подобного эпизода в других рассматриваемых версиях и связывает его с распространенными среди народов Центральной Азии представлениями о существах, обитающих под водой. Исследователь

рассматривает включение этого эпизода как проявление творческого обращения Мулланафаса к местной фольклорной традиции [1; 120–121].

В крымско-татарском варианте, записанном Бекмамбетом Каулмамбетовым, мотив сундука и движения Тахира по воде отсутствует, автор монографии специально отмечает это при сопоставлении вариантов [1; 138– не нарушает основную сюжетную линию, но обуславливает различия в композиции вариантов. В узбекском варианте мотив воды, напротив, не только сохраняется, но и получает дополнительное развитие благодаря системе повторяющихся поэтических формул.

Заметные различия между вариантами обнаруживаются в финальной части сюжета. В ряде версий после гибели Тахира и Зухры на их могилах появляются растения или цветы. Маматкул Жураев связывает этот мотив с древними представлениями о связи человека с растительным миром и воззрениями, согласно которым жизненная сущность человека может продолжить существование в иной природной форме. Рассматривая происхождение данного мотива, исследователь обращается также к древним представлениям о Гавомарде и выводам Х.Г. Короглы [1;121–122].

В узбекском варианте Рахматуллы Юсуф-оглы Карабатыр погребен между могилами Тахира и Зухры. На его могиле вырастает колючий куст, препятствующий соединению растений на могилах влюбленных, однако впоследствии колючка засыхает, и цветы Тахира и Зухры соединяются. В крымско-татарском варианте этот эпизод получает иное завершение: колючее растение, связанное с противником героев, продолжает находиться между цветами влюбленных и препятствует их соединению [1;137–139]. Таким образом, сходный комплекс образов – могилы героев, цветы влюбленных и колючее растение – сохраняется, но получает различное сюжетное разрешение. Иначе завершается повествование в узбекском варианте Захира Кочкар-оглы. Тахир побеждает противников, овладевает престолом и остается

с Зухрой; соответственно, мотив гибели героев и растений на их могилах здесь отсутствует [1; 124–125].

Еще один вариант изменения трагического финала представлен в дастане Мулланафаса. После смерти Тахира и Зухры Иса и Хызр возвращают героев к жизни. Маматкул Жураев связывает такое завершение с народным стремлением к счастливому исходу судьбы несправедливо погибших влюбленных [1; 122–123]. Сопоставление этих вариантов показывает, что финальная часть сюжета допускает значительные изменения. История Тахира и Зухры может завершаться гибелью героев, символическим соединением после смерти или их счастливым воссоединением. Различается и функция образа колючего растения: в одном варианте препятствие в конечном итоге исчезает, в другом сохраняется и после смерти героев.

Различия между узбекскими и крымско-татарскими вариантами проявляются и в поэтической организации дастана. Маматкул Жураев отмечает, что стихотворные части сопоставляемых произведений построены на семисложном стихе, однако их объем и характер формульных повторов неодинаковы. В варианте Фатимы Ибрагимовой встречаются повторные формулы «тилим-тилим», «дане-дане», «сыра-сыра», «тюм-тюм», отсутствующие в варианте Бекмамбета Каулмамбетова. В узбекском варианте Рахматуллы Юсуф-оглы, как отмечалось выше, широко представлены формулы, сопровождающие движение воды [1; 138–140].

Сходство отдельных поэтических элементов М. Жураев рассматривает в связи с распространением узбекского варианта среди крымских татар, проживавших в Ташкентском регионе, и допускает знакомство Фатимы Ибрагимовой с узбекской версией сюжета. Такое наблюдение позволяет учитывать при сопоставлении вариантов не только их сюжетные особенности, но и возможное взаимодействие исполнительских традиций.

Сопоставление рассмотренных вариантов показывает, что их общность определяется сохранением основной сюжетной линии, тогда как отдельные мотивы, состав персонажей и способы разрешения конфликта могут

различаться. Эти различия показывают, что национальная специфика проявляется не только во включении или отсутствии отдельных эпизодов. Существенное значение имеет то, какое место традиционный мотив занимает в конкретном варианте и какую функцию он выполняет в развитии действия. При этом изменения отдельных элементов не устраняют общей сюжетной основы «Тахира и Зухры». В этом смысле вариативность составляет характерную особенность бытования традиционного сюжета: его основные связи сохраняются, тогда как конкретное художественное воплощение зависит от национальной и исполнительской традиции.

Развитие сюжета «Тахира и Зухры» связано не только с существованием национальных вариантов, но и взаимодействием устной и письменной традиций. М. Жураев, ссылаясь на А. Кекилова, отмечает, что произведение Мулланафаса насчитывало около трех тысяч стихотворных полустихий, из которых примерно 2700 сохранялись в репертуаре туркменских бахши. Дастан распространялся также в рукописной форме, а отдельные его стихотворные фрагменты бытовали в репертуаре узбекских бахши Хорезма и Бухары [1; 125–

Маматкул Жураев рассматривает также рукописный вариант № 4997, хранящийся в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана. В его финале после молитвы Мохим Тахир и Зухра воскресают и обретают счастливую жизнь. Сходство имен, географических обозначений и содержания этого текста с версией Мулланафаса позволяет исследователю говорить о значительном влиянии произведения на эпическую традицию народов Центральной Азии [1;125]. Данные материалы свидетельствуют о том, что различные формы бытования «Тахира и Зухры» не существовали изолированно. Рукописное распространение произведения сочеталось с его присутствием в исполнительской практике, что создавало условия для сохранения и дальнейшего развития сюжета.

Сопоставление узбекских и других вариантов сюжета «Тахира и Зухры» на материале, рассмотренном Маматкулом Жураевым, позволяет выявить как

общие элементы, так и особенности их реализации в разных фольклорных традициях. При сохранении основной истории любви Тахира и Зухры и препятствий, возникающих на пути героев, отдельные мотивы, персонажи и композиционные элементы получают различное развитие. Национальная специфика вариантов «Тахира и Зухры» проявляется не в изменении общей основы сюжета, а прежде всего в различной реализации его отдельных элементов. Один и тот же мотив может сохраняться, получать иное развитие или отсутствовать; сходные персонажи могут выполнять разные функции; различным может быть и разрешение центрального конфликта. Именно соотношение устойчивой сюжетной основы и изменяемых элементов определяет вариативность «Тахира и Зухры» в рассматриваемых фольклорных традициях.

#### **ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ:**

ураев М. Эпический сюжет: истоки и эволюция. – Ташкент: Firdavs-Shoh, 2021. – 164 с.

стоки возникновения и художественная эволюция дестана «Зохре-Тахир» // Miras / Наследие (научный журнал Национального института рукописей АН Туркменистана). – Ашхабад. – № 4 (52). – С. 50–63.

dessanynuň kökleri we çeperçilik taydan ösüşi // Miras / Наследие (научный журнал Национального института рукописей АН Туркменистана). – Ашхабад. – № 4 (52). – С. 50–63.